

С.В. Смирнов*

S.V. Smirnov*

**И.И. и А.Н. Серебренниковы
в строительстве «нового порядка»
в Восточной Азии****I.I. and A.N. Serebrennikov
in the Construction of the “New Order”
in East Asia**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-14

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-17

УДК 355.332:325.2 + 94(510)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Смирнов С.В. И.И. и А.Н. Серебренниковы в строительстве «нового порядка» в Восточной Азии // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 145–153. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-14.pdf>

Smirnov S.V. I.I. and A.N. Serebrennikov in the Construction of “New Order” in East Asia // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 145–153. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-14.pdf>]

Abstract. The article is devoted to the orientalist activity of I.I. and A.N. Serebrennikov in the context of participation of Russian emigrants in the construction of “new order” in East Asia, realized by Japan in the second half of the 1930s – the first half of the 1940s. In 1937, Japan occupied Northern China, where several thousand Russian emigrants lived in the cities. Because of the occupation, the leadership of the emigrant community was in the hands of Japanese-oriented radicals, who staked on the inclusion of Russian emigrants in the process of construction of a “new order” in East Asia under the auspices of Japan. One of the main objectives of the participation of emigration in the construction of the “new order” was its cultural rapprochement with the East Asian peoples, which led to a serious surge of Oriental activity in the pages of the emigrant press. An important role in promoting the cultural rapprochement of emigration with the peoples of East Asia played Russian professional and non-professional Orientalists, whose interest in the history and culture of East Asian peoples was not directly related to the political situation. Thanks to the great work of such enthusiastic researchers as the Serebrennikov spouses, the emigrants, who previously had had little contact with the Chinese environment, gained some knowledge about the culture and mentality of the inhabitants of China and neighboring countries. However, the idea of cultural rapprochement of emigration with the peoples of East Asia did not receive widespread support among emigrants. The reason for this was the perception of emigration of the idea of cultural rapprochement as a threat to cultural unification on the Japanese basis, as well as the growth of emigrant patriotism during the great Patriotic war. By the mid-1940s, the policy of cultural rapprochement between emigration and the East Asian peoples had finally stalled.

Keywords: I.I. Serebrennikov, A.N. Serebrennikova, Russian emigration, “new order” in East Asia, Oriental studies, Tianjin.

The article has been received by the editor on 30.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена востоковедческой деятельности И.И. и А.Н. Серебренниковых в контексте участия русской эмиграции в строительстве «нового порядка» в Восточной Азии, курса, реализовавшегося Японией во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х гг. Оккупация Японией в 1937 г. Северного Китая, в отдельных городах которого проживало несколько тысяч русских эмигрантов, и приход к руководству эмигрантской колонии прояпонски ориентированных радикалов актуализировали включение русских эмигрантов в процесс строительства «нового порядка» в Восточной Азии.

* Смирнов Сергей Викторович, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: s.v.smirnov@urfu.ru

Smirnov Sergey Viktorovich, Doctor of History, Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: s.v.smirnov@urfu.ru

Одной из главных задач участия в строительстве «нового порядка» для эмиграции стало ее культурное сближение с восточноазиатскими народами, что привело к серьезному всплеску просветительно-востоковедческой активности на страницах эмигрантской печати и в деятельности различного рода эмигрантских творческих объединений. Важную роль в пропаганде культурного сближения эмиграции с народами Восточной Азии играли русские профессиональные и непрофессиональные востоковеды, чей интерес к истории и культуре восточноазиатских народов был тем не менее явлением долгосрочным и не связанным с политической конъюнктурой. Благодаря большой работе таких энтузиастов-исследователей, как супруги Серебренниковы, эмигранты, ранее мало контактировавшие с китайской средой и не знавшие ее, получили определенные знания о культуре и менталитете жителей Китая и сопредельных с ним стран. Вместе с тем на фоне усиления эмигрантского патриотизма в годы Великой Отечественной войны идея культурного сближения эмиграции с народами Восточной Азии в процессе строительства «нового порядка», в которой эмигранты видели угрозу культурной унификации на японской основе, не получила широкой поддержки в эмигрантской среде и окончательно заглохла к середине 1940-х гг.

Ключевые слова: И.И. Серебренников, А.Н. Серебренникова, русская эмиграция, «новый порядок» в Восточной Азии, востоковедение, Тяньцзинь.

Вооруженная экспансия Японии в Китае в 1930-е гг. сопровождалась попытками реализации на его территории панasiatского проекта «возрождения Восточной Азии», предполагавшего оформление содружества населявших ее народов. Наиболее масштабные мероприятия в этом направлении осуществлялись в Маньчжоу-го, «независимом маньчжуро-монгольском государстве», созданном в 1932 г. под покровительством японских политических кругов. С началом Японо-китайской войны и учреждением в декабре 1937 г. в Пекине Временного правительства Китайской Республики строительство «нового порядка» развернулось и на территории Северного Китая.

Русские эмигранты, проживавшие в городах Северного Китая (наиболее крупная эмигрантская колония находилась в Тяньцзине), также оказались вовлечены в процесс строительства «нового порядка», предполагавший для эмигрантов активное участие в борьбе против Коминтерна и развитие всесторонних связей с коренным населением Восточной Азии. В конце 1930-х гг. руководящую роль в жизни русских эмигрантских колоний Северного Китая стали играть Антикommунистические комитеты¹, возглавляемые прояпонски ориентированными радикалами и курируемые японскими военными миссиями. Именно Антикommунистические комитеты взяли на себя задачу интеграции эмиграции в многонациональное объединение восточноазиатских народов, реализующее идею строительства «нового порядка» в Восточной Азии.

В отечественной историографии, несмотря на наличие большого количества работ, посвященных антисоветской деятельности русской эмиграции в Китае², проблема участия

¹ Антикommунистические комитеты (АК) являлись эмигрантскими административными органами в Северном Китае в период японской оккупации, выполняя аналогичные Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) функции. Главные задачи АК заключались в консолидации эмиграции на антисоветской основе и руководство всеми сферами жизни эмигрантских колоний. Первый Антикommунистический комитет был создан в октябре 1937 г. в Тяньцзине, позднее появились комитеты в Пекине, Циндао, Чифу, Калгане. С октября 1938 г. тяньцзиньский Антикommунистический комитет стал Центральным, которому подчинялись все остальные комитеты Северного Китая. В конце 1943 г. все Антикommунистические комитеты были ликвидированы, административное руководство эмигрантской общиной перешло к созданному в начале 1944 г. Тяньцзиньскому отделению Главного БРЭМ.

² Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008; *Голдин В.И.* Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010; *Огороков А.В.* В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М., 2013; *Смирнов С.В.* Русская военная эмиграция в Тяньцзине (1920-е – начало 1940-х гг.) // Клио. 2018. № 4 (136). С. 127–134; *Хисамутдинов А.А.* Русские волны на Тихоокеане: Из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток, 2013; *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1986; и др.

эмигрантов в строительстве «нового порядка», особенно такой ее аспект, как культурное сближение эмигрантов с восточноазиатскими народами, остается практически неизученной. Подчеркивая важную роль отдельных представителей эмигрантского сообщества в развитии культурного сближения русских эмигрантов и коренных народов Восточной Азии, мы обратились к деятельности супругов И.И. и А.Н. Серебренниковых³, активно работавших на этой ниве в Тяньцзине. Документальную основу нашего исследования составили опубликованные и неопубликованные материалы из фондов Серебренниковых, хранящихся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет)⁴.

Уже в первые годы пребывания в Китае И.И. Серебренников проявил живейший интерес к экономике, истории, культуре этой страны. Сразу нужно отметить, что русские эмигранты в массе своей существовали обособленно от китайской среды. Проживая в Северном и Восточном Китае в крупных городах в основном на территории иностранных концессий, они в своих контактах преимущественно ориентировались на европейцев и американцев. Интерес к китайской культуре в русских интеллектуальных слоях имел главным образом этнографический характер, присущий отношению к странам неевропейским, отсталым, величие и могущество которых находилось в далеком прошлом⁵. Организаций, занимавшихся в той или иной мере изучением и популяризацией китайской культуры, даже в Харбине, главном центре русской эмиграции в Китае, было немного⁶, их издательские

³ Серебренников Иван Иннокентьевич (1882, с. Знаменское Верхоленского уезда Иркутской губ. – 1953, Тяньцзинь). Окончил Иркутскую классическую гимназию (1901), учился в Военно-Медицинской академии в Санкт-Петербурге, отчислен за участие в студенческой сходке. С 1909 г. активный деятель Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, с 1915 г. – правитель дел. Секретарь Иркутской городской думы (1913–1917), участвовал в работе Всероссийского съезда представителей городов, земств и кооперативов (1915). Сибирский областник-автономист. Гласный Иркутского Губернского Земского Собрания (1918). Министр снабжения и председатель Административного совета Сибирского правительства П.В. Вологодского, министр снабжения Омского правительства адмирала А.В. Колчака. Помощник начальника Осведомительного отдела Штаба Иркутского военного округа.

Серебренникова (Петрова) Александра Николаевна (1883, Олекминские Ленские золотые прииски Иркутской губ. – 1975, Сан-Франциско). Окончила 1-ю Иркутскую женскую гимназию (1902), работала преподавателем русского языка во 2-й Иркутской гимназии. Училась в Психо-Неврологическом институте в С.-Петербурге (1904). Вышла замуж за И.И. Серебренникова в 1906 г. Действительный член Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, лектор Иркутских Общедоступных курсов (Народного университета). В годы Первой мировой войны заведовала в Иркутске военными курсами по подготовке на вольноопределяющегося 2-го разряда. Гласная Иркутского городской думы (1917). Сотрудница Осведомительного отдела Штаба Иркутского военного округа.

Серебренниковы покинули Иркутск в январе 1920 г. в период антиколчаковского переворота, эмигрировали в Китай. После нескольких месяцев жизни в Харбине перебрались в конце 1920 г. в Пекин. В Пекине являлись сотрудниками типографии Товарищества «Восточное Просвещение», публиковались в «Китайском Благовестнике», «Русском обозрении» и других изданиях. Весной 1922 г. переехали в Тяньцзинь, где Иван Иннокентьевич два года являлся директором Общественного коммерческого училища, содержал собственную библиотеку и совместно с женой занимался частной преподавательской практикой.

⁴ Дневники И.И. и А.Н. Серебренниковых (1940–1941) // Русская Атлантида. 2019. № 73. С. 3–22; № 74. С. 27–31; Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых: в 5 т. Т. 1: «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919–1934). М., 2006; Hoover Institution Archives (HIA). Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1, 18.

⁵ Активный прорыв Российской империи на Дальний Восток и в Центральную Азию во второй половине XIX в. привел к обновлению российского имперского сознания, составной частью которого стал ориенталистский дискурс. В рамках этого дискурса Россия позиционировалась не столько как носительница христианского мессианства, сколько мощное национальное государство, движущееся к своим «естественным границам», часть европейской цивилизации, достижения которой она несет азиатам. Важную роль в развитии азиатского направления российской имперской политики сыграли российская политическая география, этнография и востоковедение, быстро развивавшиеся под сенью военного ведомства России и Императорского Русского географического общества (Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 23–31).

⁶ Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015; Хисамутдинов А.А. Общество русских ориенталистов в Харбине // Восток. 1999. № 3. С. 104–114.

возможности крайне ограничены, а влияние в широких эмигрантских слоях практически не ощущалось.

В 1920 г., проживая в Харбине, Иван Иннокентьевич вступил в Общество русских ориенталистов и издал несколько работ, описывавших скотоводство у бурят Иркутской губернии и Забайкальской области и населения Монголии. В дальнейшем он продолжил исследования по экономике и экономической географии Дальнего Востока, обращался к истории албазинцев и русского присутствия в Китае, российско-китайским отношениям, вопросам сибиреведения и сибирского областничества. В 1928 г. вышли первые публикации Серебренникова, посвященные китайским народным поверьям, религиозному культу, фольклору, имевшие продолжение в 1930-е гг. Наконец, в 1937 г., будучи на лечении в Пекине, супруги Серебренниковы заинтересовались китайской поэзией и начали первые опыты по переводу китайских стихов на русский язык. Незнание китайского языка не дало им возможность работать с оригиналами, поэтому переводы осуществлялись с английского, французского и немецкого языков. Литературной обработкой стихотворений занималась Александра Николаевна⁷. Пик востоковедческой деятельности Серебренниковых пришелся на рубеж 1930–1940-х гг.

Чем был обусловлен интерес И.И. Серебренникова к Китаю? Во многом его стремлением принести пользу будущей, освобожденной от большевиков России, всегда испытывавшей острые потребности в обеспечении безопасности и расширении своего влияния на Дальнем Востоке⁸. Другим мотивом являлось столь необходимое для эмигранта добывание средств для существования. Часть своих востоковедческих исследований, заметок и фотографий Иван Иннокентьевич отсылал в американские журналы “Foreign Affairs”, “Pacific Historical Review”, “Asia”⁹. В то же время интерес Серебренникова к Китаю и сопредельным азиатским странам оставался отстраненно исследовательским, этнографическим (понимаемым в контексте ориенталистского дискурса). Дневниковые записи исследователя показывают, что он не любил Китай, тяготился долгим пребыванием в этой стране и нелюбезно критиковал китайскую действительность.

По мнению Серебренникова, «китайцы перестают привлекать к себе симпатии, когда имеешь время к ним приглядеться... Становится противным тот дух торгашества, коим китайский народ проникнут сверху донизу. Все эти “комишоны” (commission), взятки, поборы – альфа и омега китайской жизни... Чиновники – как будто все казнокрады и взяточники. Богатые и прибыльные должности сдаются на откуп... Китайские гражданские войны – это тоже своего рода коммерция. Эти войны разоряют население, но безмерно обогащают генералов, которые нередко превращаются в миллионеров и запасаются особняками на иностранных концессиях портовых городов Китая. Выходит, гнилая сердцевина у государства. Если вы начинаете смотреть на китайца как на лицо, которое всегда можно купить и подкупить, вы невольно теряете всякое уважение к нему и начинаете понимать причину всех непорядков и настроений в его стране»¹⁰ и т.д.

Серебренников, вероятно, разделял взгляды таких исследователей, как Н.М. Ядринцев, указывавших на облагораживающее влияние очагов европейской культуры в Китае¹¹ и считавших необходимым для китайцев заимствование достижений западной цивилизации. Вряд ли сильно изменилось отношение Ивана Иннокентьевича к Китаю после начала строительства «нового порядка» в Восточной Азии под эгидой Страны восходящего солнца, так же как отношение к Японии, которую Серебренников рассматривал в качестве соперника России на Дальнем Востоке. Вместе с тем включение русских эмигрантов в процесс строительства «нового порядка», казалось бы, открыло широкие возможности для востоковедческих изысканий.

⁷ НИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-1. Diaries.

⁸ Китай и русская эмиграция в дневниках... С. 347.

⁹ НИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-1.

¹⁰ Китай и русская эмиграция в дневниках... С. 233, 234.

¹¹ Там же. С. 218.

С самого начала организации Антисоциалистических комитетов в Северном Китае, возглавивших эмигрантские колонии Тяньцзиня, Пекина, Циндао, Чифу, в их многочисленных документах наряду с требованиями объединения эмиграции для продолжения борьбы с мировым коммунизмом ради возвращения в освобожденную от большевиков Россию содержались призывы к культурному сближению и всестороннему сотрудничеству с народами Восточной Азии. Показательно в этом отношении размещенное в июне 1941 г. на страницах тяньцзиньской газеты «Возрождение Азии»¹² постановление съезда ответственных работников женского сектора Российской эмиграции в Северном Китае. В постановлении, в частности, указывалось, что «российские женщины-эмигрантки в Северном Китае приветствовали создание Нового Порядка в Азии и просили женщин Ниппон и женщин Восточной Азии принять к сведению, что российские женщины-эмигрантки в Северном Китае приложат все свои силы и возможности к участию в деле Возрождения Азии, считая это своим священным долгом и веря, что Возрождение Азии есть Возрождение России». Среди первоочередных задач, стоящих перед эмиграцией, участвующей в строительстве «нового порядка», называлось «познание Востока и закрепление братских отношений с народами Востока». Заявлялось, что «российские женщины-эмигрантки будут прилагать все свои силы в деле проведения этой ответственной задачи в жизнь, для чего создавать курсы изучения ниппонского языка, кружки по изучению истории, быта, нравов Востока... Издавать и широко распространять среди российских женщин брошюры на антисоциалистические, восточные и другие жизненные темы. Усилить до наивысших пределов культурно-воспитательную работу среди женщин, дабы используя широкие возможности на Востоке возвратиться на свою родину высокоморальной, высококультурной»¹³.

В реализации задачи культурного сближения эмиграции с народами Восточной Азии были задействованы созданные ранее тяньцзиньские Литературно-научно-философский кружок и Общество изучения Китая, имевшее свой журнал – «Вестник Китая». Другим крупным изданием, финансировавшимся японским Управлением Южно-Маньчжурской железной дороги (Мантэцу), являлся выходивший с 1939 г. в Дайрене журнал «Восточное обозрение»¹⁴. Значительно повысилась востребованность в востоковедческих публикациях эмигрантскими газетами Северного Китая, наиболее известной среди которых являлось тяньцзиньское «Возрождение Азии». Только за 1938 г. И.И. Серебренников опубликовал около двадцати материалов, посвященных историческим личностям (Чингисхан, Субэдэй-багатур, Чжан Цянь, ханьский император У-ди), поэзии Китая и Японии, китайской медицине, шахматам, а также ряд переводов китайских сказаний. В прошлые годы сибирский исследователь делал не более двух-трех подобных публикаций в год¹⁵.

Наиболее крупной публикацией 1938 г. явился сборник «Цветы китайской поэзии», составленный из китайских поэтических произведений различных периодов (от «Шицзина» до современности), переложение которых на русский язык было осуществлено И.И. и А.Н. Серебренниковыми с английских, французских и немецких переводов китайских оригиналов и дано в русской стихотворной форме. Сборник получил достаточно лестную характеристику со стороны эмигрантской общественности. Так, в шанхайском «Русском голосе» указывалось, что «на тысячу русских эмигрантов, живущих в Китае, едва ли найдется даже один, который мог бы сказать, что он знает Китай... О китайской поэзии мы вообще ничего не

¹² Газета «Возрождение Азии» начала выпускаться в апреле 1932 г. при участии японцев и первоначально выходила под названием «Голос Азии». Русским редактором газеты являлся есаул Е.Н. Пастухин, в дальнейшем глава Тяньцзиньского и Центрального Антисоциалистического комитета. С созданием в Тяньцзине Антисоциалистического комитета газета стала его печатным органом.

¹³ ИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 18. F. 18.3. Antikommunistisches Komitee.

¹⁴ И.И. Серебренников в мае 1941 г. отмечал в своем дневнике: «Русское издательство Мантэцу (т.е. управления Южно-Маньчжурской ж[елезной] д[ороги]) в Дайрене принимает значительные размеры и становится видным явлением культурного порядка» (Дневники И.И. и А.Н. Серебренниковых (1940–1941) // Русская Атлантида. 2019. № 74. С. 27).

¹⁵ ИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-2. Diaries.

знаем. И поэтому-то антология китайской поэзии на русском языке, составленная четой Серебренниковых, заполняет существующий пробел в этой области»¹⁶. И.И. Серебренникову вменялось в заслугу намерение не только самому познакомиться с жизнью и культурой Китая, ставшего второй родиной для эмигрантов, но и познакомить через свои труды «ту часть эмиграции, которой, вследствие многих причин, этого знакомства с Востоком сделать не удалось»¹⁷.

Последней большой востоковедческой работой Ивана Иннокентьевича стал сборник «К истории Азии», компилятивное издание, первый том которого был выпущен тяньцзиньским издательством «Наше Знание» в 1941 г. Как отмечал в своем дневнике автор, «это – мой первый большой исторический труд. Я рад тому обстоятельству, что удалось опубликовать его. Замысел о составлении такой работы созрел у меня еще в 1936 году, и, несмотря на болезни, меня одолевшие, я все же привел его в исполнение...»¹⁸. Вторым том, подготовленный к печати, и третий, находившийся в начале 1940-х гг. в работе, так и не увидели свет¹⁹.

Большую помощь в исследовательской и публикаторской деятельности И.И. Серебренникова, чье здоровье неуклонно ухудшалось (с конца 1930-х гг. он уже не мог покинуть свою квартиру), оказывала его жена, которую он называл «доброй моей сотрудницей»²⁰. Кроме того, Александра Николаевна принимала активное участие в общественной работе русской колонии Тяньцзина и много публиковалась. С 1938 г. Серебренникова являлась сотрудницей газеты «Возрождение Азии», участвовала в работе женского сектора Российской эмиграции в Северном Китае. Вышедшие из-под ее пера в конце 1930-х – начале 1940-х гг. сочинения создают впечатление, что она вполне искренне поддержала идею всестороннего участия русских эмигрантов в строительстве «нового порядка» в Восточной Азии, учитывая и то, что Серебренниковы были последовательными и горячими противниками советской власти. Впрочем, может быть, это было простой иллюзией. Как отмечал в своем дневнике в декабре 1940 г. И.И. Серебренников, «кажется, жизнь наша сумбурная затолкала нас совсем. Порою уж мы даже не понимаем, о чем говорить или писать, перестаем давать себе отчет в действительном положении дел»²¹.

В 1942 г. Александра Николаевна участвовала в организованном газетой «Возрождение Азии» конкурсе эмигрантских сочинений, одной из тем которого являлась «Роль российской эмиграции на Востоке в Новом Порядке», и была удостоена премии третьей степени. Позднее ее сочинение было опубликовано в одном из номеров «Возрождения Азии». В сочинении в частности указывалось, что русские эмигранты, принимая участие в грандиозных событиях, происходящих в Восточной Азии, приобретают бесценные знания и опыт, которые принесут в избавленную от власти коммунистов Россию: «Вооруженные соответствующими знаниями, бывшие изгнанники поведают русскому народу о том, какие ценности таят в своих духовных глубинах страны Востока, и прежде всего великий Императорский Ниппон». Автор, рассуждая о влиянии восточных ценностей на сознание эмиграции, словно пытается проникнуть в будущее: «Может быть мы, русские, научимся в будущем почитать своих усопших, чтить своих предков, создавших нашу родину, так же, как почитают своих предков в Ниппон и Китае; вместе с тем научимся любить, как должно, свою родную историю, почитать и уважать должным образом память выдающихся деятелей Российского государства и всех воинов, живот свой положивших за отечество... Может быть, нам многое пригодится и из тех нравственных правил, которые составляют ниппонский рыцарский кодекс бусидо... Может быть, мы сделаем все возможное, чтобы приучить русского человека к правилам вежливости и учтивости, каковые являются харак-

¹⁶ Русский голос. Шанхай, 1939. 22 янв.

¹⁷ НИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-2.

¹⁸ Дневники И.И. и А.Н. Серебренниковых (1940–1941) // Русская Атлантида. 2019. № 73. С. 11.

¹⁹ Хисамутдинов А.А. Русские мысли на китайский лад. Владивосток, 2019. С. 80.

²⁰ Дневники И.И. и А.Н. Серебренниковых (1940–1941) // Русская Атлантида. 2019. № 73. С. 17.

²¹ Там же. С. 8.

терными для народов Восточной Азии»²². Как показывают дневниковые записи А.Н. Серебренниковой, она была глубоко озабочена падением морали и нравственности в среде русской эмиграции, особенно в ее женской части, еще в начале 1930-х гг.²³ Поэтому апелляция к духовным ценностям восточноазиатских народов не была для нее пустым звуком. Приобщение русских эмигрантов к этим ценностям должно было спасти эмиграцию от полного морального разложения и гибели.

В заключении своего сочинения Александра Николаевна указывала, что «если при помощи бывших российских эмигрантов обновленной России удастся разрешить, в идеологическом отношении, одну из величайших проблем России, уже давно стоящую перед нею – это синтез двух культур, Запада и Востока, их слияние в одно органическое целое, то уже одним этим обстоятельством будет оправдано столь долгое пребывание русской эмиграции за границей, ее неустанные труды здесь, а порой и тяжкие испытания»²⁴.

За годы работы в газете «Возрождение Азии» А.Н. Серебренникова опубликовала около двухсот стихотворений японских, китайских, корейских, монгольских и тюрко-татарских поэтов²⁵ (более пятидесяти авторов разных эпох), ряд рассказов из китайской средневековой прозы, заметки о жизни и творчестве отдельных поэтов и прозаиков Восточной Азии²⁶. Так, обращаясь к теме вина в китайской средневековой поэзии, она дает весьма забавную характеристику Ли Бо: «Ли бо пил со вкусом и вдохновением, вкладывая в это занятие всю свою душу. И – да простят нам наши соотечественники – хочется сказать, что порой он пил как-то по-русски. И в нем самом и в его стихах чувствуется иногда что-то родственное, близкое нашей русской душе»²⁷. Из японских литераторов ее особо привлекало творчество женщин-писательниц – Мураками-сикибу, Сэй Сенагон и др.²⁸

Публикаторская работа Серебренниковой, как показывает ее дневник, приносила ей удовлетворение²⁹ и, вероятно, ощущение самореализации, позволяла отвлечься от сложных жизненных проблем, связанных с существованием вне родины, падением материального жизненного уровня эмиграции в условиях войны и многолетней прогрессирующей болезнью мужа. Между тем перелом в войне на Тихом океане в 1943 г. и рост патриотизма в эмигрантской среде вскоре похоронили просветительскую активность отдельных представителей эмиграции в духе участия русских эмигрантов в строительстве «нового порядка» в Восточной Азии.

Таким образом, политика антикоммунистического руководства русских эмигрантских колоний Северного Китая по включению эмиграции в процесс строительства «нового порядка» в Восточной Азии, важной частью которого являлось культурное сближение между эмигрантами и народами Восточной Азии, привела к серьезному всплеску просветительно-востоковедческой активности на страницах эмигрантской печати и в деятельности различного рода эмигрантских творческих объединений. Важную роль в пропаганде культурного сближения эмиграции с народами Восточной Азии играли русские профессиональные и непрофессиональные, к каковым необходимо отнести и Серебренниковых, востоковеды, чей интерес к истории и культуре восточноазиатских народов был тем не менее явлением долгосрочным и не связанным с политической конъюнктурой. Благодаря большой работе таких энтузиастов-исследователей, как супруги Серебренниковы, эмигранты, ранее мало контактировавшие с китайской средой и знавшие ее, получили определенные знания о культуре и менталитете жителей Китая и сопредельных с ним стран. Однако сама идея культурного сближения эмиграции с народами Восточной Азии в процессе строительства нового порядка, в которой видели угрозу культурной унификации на японской основе, не

²² НИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-2.

²³ Китай и русская эмиграция в дневниках... С. 136, 137, 139.

²⁴ НИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-2.

²⁵ Хисамутдинов А.А. Русские мысли на китайский лад... С. 82.

²⁶ НИА. Serebrennikov (I.I.) Papers. Box 1. F. 1-2.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. F. 1-1.

получила широкой поддержки в эмигрантской среде. Свою роль сыграла и ситуация на фронтах мировой войны. Отечественная война советского народа привела к мощному всплеску патриотизма в рядах эмиграции, что только усилило иммунитет к политике про-японских кругов эмигрантской администрации. К концу Второй мировой войны эмигрантская администрация в Северном Китае совершенно отказалась от каких-либо попыток реализации идеи культурного сближения.

Литература

Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск: Частная коллекция, 2008. 268 с.

Библиография. А.Н. и И.И. Серебренниковы. «Цветы китайской поэзии» // Русский голос. 1939. № 4 (19) (22 янв.).

Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск: СОЛТИ; СПб.: Полтораки, 2010. 576 с.

Дневники И.И. и А.Н. Серебренниковых (1940–1941) / сост. и коммент. А.А. Хисамудинова // Русская Атлантида. 2019. № 73. С. 3–22; № 74. С. 27–31.

Забияко А.А., Забияко А.П., Легошкова С.С., Хисамудинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2015. 462 с.

Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых: в 5 т. Т. 1. «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919–1934) / сост., вступ. ст., подгот. текста, биограф. словарь и коммент. А.А. Хисамудинова. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

Окороков А.В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М.: Вече, 2013. 294 с.

Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 552 с.

Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Тяньцзине (1920-е – начало 1940-х гг.) // Клио. 2018. № 4 (136). С. 127–134.

Хисамудинов А.А. Общество русских ориенталистов в Харбине // Восток. 1999. № 3. С. 104–114.

Хисамудинов А.А. Русские волны на Пацифике: Из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток: Рубеж, 2013. 640 с.

Хисамудинов А.А. Русские мысли на китайский лад. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2019. 273 с.

Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986. 272 с.

References

Aurilene, E.E. (2008). *Rossiyskaya diaspora v Kitae. 1920–1950-e gg.* [Russian Diaspora in China. The 1920s and 1950s]. Khabarovsk, Chastnaya kolleksiya. 268 p.

(1939). Bibliografiya A.N. i I.I. Serebrennikovy. “Tsvety kitayskoy poezii” [Bibliography. A.N. and I.I. Serebrennikov. “Flowers of Chinese Poetry”]. In *Russkiy golos*. Shanghai, 22 January. No. 4 (19).

Goldin, V.I. (2010). *Rossiyskaya voennaya emigratsiya i sovetskie spetssluzhby v 20-e gody XX veka* [Russian Military Emigration and Soviet Special Services in the 20-ies of 20th Century]. Arkhangelsk, Solti, St. Petersburg, Poltorak. 576 p.

Khisamutdinov, A.A. (1999). Obschestvo russkikh orientalistov v Kharbine [Society of Russian Orientalists in Harbin]. In *Vostok*. No. 3, pp. 104–114.

Khisamutdinov, A.A. (Ed. and Comm.). (2019). Dnevniky I.I. and A.N. Serebrennikovykh (1940–1941) [Diaries of I.I. and A.N. Serebrennikov (1940–1941)]. In *Russkaya Atlantida*. No. 73, pp. 3–22; No. 74, pp. 27–31.

Khisamutdinov, A.A. (2019). *Russkie mysli na kitaiskiy lad* [Russian Thoughts in the Chinese Way]. Vladivostok, Publishing House of the Far Eastern University. 273 p.

Khisamutdinov, A.A. (Ed. and Comm.). (2006). *Kitay i russkaya emigratsiya v dnevnikakh I.I. i A.N. Serebrennikovykh, 1919–1934 gg.* [China and Russian Emigration in the Diaries of I.I. and A.N. Serebrennikov, 1919–1934:]. Vol. 1. “Poka zhe my schastlivy tem, chto ничто ne ugrozhaet nam...” [“In the Meantime, We are Happy That Nothing Threatens Us...”]. Moscow, ROSSPEN. 448 p.

Khisamutdinov, A.A. (2013). *Russkie volny na Patsifike: Iz Rossii cherez Kitay, Koreyu i Yaponiyu v Novyy Svet* [Russian Waves on Pacifica: From Russia Through China, Korea and Japan to the New World]. Beijing, Vladivostok, Rubezh. 640 p.

Okorokov, A.V. (2013). *V boyah za Podnebesnyu. Russkiy sled v Kitae* [In the Battles for China. Russian Footprint in China]. Moscow, Veche. 294 p.

Remnev, A.V. (2004). *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geographiya vlasti XIX – nachala XX vekov* [Russia of the Far East. Imperial Geography of Power 19th – Early 20th Centuries]. Omsk, Izdatel'stvo OmGU. 552 p.

Shkarenkov, L.K. (1986). *Agoniya beloy emigratsii* [Agony of White Emigration]. Moscow, Mysl'. 272 p.

Smirnov, S.V. (2018). Russkaya voennaya emigratsiya v Tyan'tsine (1920-e – nachalo 1940-kh gg.) [Russian Military Emigration in Tianjin (1920s – Early 1940s)]. In *Klio*. No. 4 (136), pp. 127–134.

Zabiyako, A.A., Zabiyako, A.P., Levoshko, S.S., Khisamutdinov, A.A. (2015). *Russkiy Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: the Experience of Life-Building in the Far Eastern Frontier]. Blagoveschensk, Amur State University. 462 p.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021 г.